

Красиков В.И.

EGO ВО ВРЕМЕНИ

Время всегда завораживает и пугает нас своей кажущейся простотой и безмолвностью вечной загадки. То его много, то его некуда девать, трудно заполнить (а то и "убить") – и вдруг, оказывается, жизнь уже стремительно катится под горку. Еще более потрясает миллиарды лет существования звезд, галактик, планет, расстояния полета света до известной самой отдаленной звездной системы (15 миллиардов световых лет). Да и "просто" тысячелетия времени существования нашего вида на планете. Отпущенный нам срок представляется ужасающе мизерным, убогим и несправедливым. И тем не менее и наши годы оказываются для нас порой тягостно нескончаемыми (и дольше века длится день).

Сравнения времени существования небесных тел и времени нашего индивидуального присутствия в мире по формально-физическим параметрам ужасают. Меж тем в нашей вселенной, доступной и интерпретируемой современным научным мышлением, похоже нет и оснований для подобных сравнений – по некоей единой, абсолютной временной шкале. Наш мир – *мир разновременья*. Над нашими умами до сих пор довлеет стереотип, мешающий действительному анализу разновременья – представление о том, что есть только одно, "настоящее время" – календарное, физическое, астрономическое.

Другие времена (биологическое, геологическое, социальное, субъективное) вроде бы и есть, но они как бы вторичны, производны от "настоящего". Собственно резон в этом есть – время биологическое, социально-историческое, а тем более самоощущения времени индивидуальным сознанием, кажутся нам несерьезным эпизодом в миллиардах лет планет, звезд и галактик, а живое, общество и человек напоминают какие-то новообразования, которые так же быстро исчезнут, как и появились. Поэтому мы все равно, вольно или невольно, меряем и наши временения астрономическим временем. Также мы с трудом привыкаем к мысли о времени как параметре, вернее формы существования такого специфического бытия как сознание и самосознание (ego). Понимание физического времени как параметра бытия материального объекта в его зависимости от скорости, массы и энергии нам доступно: здесь есть четкие *количественные пропорции, квантования*. Но если продолжать идею о зависимости времени от субстрата того, что временит, *текстуры объекта* – какие умозаключения последуют?

Само время присуще определенности, упорядоченности – как срок их определения и их порядка. Недифференцированная среда

(хаос) не обладает артикулированностью и, соответственно, размерностью (определенностью) объектов. В нем поэтому нет временного протекания в нашем смысле, – срочности (от "срок") дискретностей.

Известно, что в хаосе содержатся потенциальные структуры, малые возмущения, способные саморазрастаться в порядки. Можно сказать, что в недифференцированной среде, хаосе всегда присутствует *вечное начало*, первичный всплеск времени. Складывание определенности из хаоса и означает появление упорядоченности, которая и временит. Возникает размерность, четвертым параметром которой и выступает время.

Из чего следует: возникновение сложнейших упорядоченностей требует длительного времени и чем сложнее упорядоченность, тем менее она устойчива, быстрее разрушается. Возрастание онтологической плотности упорядоченности (организации, богатство элементов и внутренних связей, самоуправление и пр.) приводит не только к ее суверенности и разительному качественному отличию от всегда более простой среды, но и "уплотнению" временных процессов, протекающих внутри сложноорганизованного объекта. Уплотнение означает возрастание количества событий, интенсивности их протекания. Появляется *непохожесть* в периодичности, повторяемости. Ритмичность разнообразится непохожестью, превращаясь в новое, уже самопричинное. Сохраняющаяся упорядоченность в ее целостности и качественности и есть ее время.

Похоже чем сложнее организована упорядоченность, тем плотнее время (и короче по той же условно-астрономической шкале). Каждая упорядоченность проживает свое время, временит соответственно своей специфической организации. Каждый порядок (объект) имеет свой срок самореализации – по крайней мере, в известном нам регионе вселенной. Причем разновремелье *качественно тождественно друг другу*, сопоставимо. Миллиарды лет существования галактик, звездных систем, живого, тысячи лет общества, десятки лет человека и день бабочки-однодневки сопоставимы и **равнокачественны** – все они реализуют свой порядок, свою "программу", цикл, круг бытия. Конечно, в каждом случае возможен и преждевременный обрыв, но в целом каждая упорядоченность – от грандиозной до микромирной – временит согласно особенностям текстуры своего бытия. В особенностях начала уже присутствуют особенности конца, в начале проступает конец.

Разумеется, речь идет не о обязательной, жестко-каузальной программе, а о предварениях весьма общего характера, которые могут разнообразиться в весьма широких пределах. Неопределенность, лежащая в этих пределах, хаос внутри

определенности, порождают ветвление и многоформие новых упорядоченностей с их своеобразными режимами времени.

Но довольно спекулятивно-метафизических рассуждений. Они были необходимы для уяснения положения о принципиальной разнокачественности разновременья вселенной. Складываются ли эти разные времена наподобие "матрешки": субъективное время в социально-историческое, социально-историческое в эволюционное, эволюционное в геопланетарное и т.д. – до условно вселенского времени "от Большого Взрыва"? Не уверен – если количество "матрешек" фиксировано и ограничено.

Либо их бесконечное число в обе стороны бесконечного (макро-, микро), либо они самозамыкаются и взаимопереходят с глобального уровня на исчезающе малый. Так или иначе, субъективность, его, "Я", самосознание – есть сложнейшая из известных нам пока вселенских упорядоченностей, хотя и является одной из "матрешек" объектной организации и временения, включенной в ряд других. У нас нет пока никаких четких оснований говорить о сверхзначимости для остальной вселенной его и его времени. Помимо антропного принципа в естествознании и метафизических притязаний идеализма. Помимо некоторых интуиций общего и неопределенного характера, на которых, собственно, и основываются и антропный принцип, и метафизические притязания.

Итак, субъективное время, или временение самосознания. Вряд ли удивишь современного, философски образованного, человека положением о наличии особого временного режима существования самосознания. Это прямо вытекает как из современных научных представлений о времени, так и описывалось некоторыми философами, небезразличными к проблеме внутреннего времени человеческой души (Августин, Кант, Бергсон, Гуссерль, Хайдеггер). Некоторые рассуждения последних представляются бесспорными и включены в наши рассуждения, другие выглядят малоубедительными.

Попытаемся вначале мы выделить общую структуру временения его, сознавая условность, относительность, зависимость выделяемого от особенностей авторской рефлексии. Затем же, от абстрактного понятия субъективного времени перейдем к его конкретизации.

Наиболее общее свойство, задающее саму целостность субъективному времени, – **непрерывность**. Чувство непрерывно возобновляемой самоидентичности – важнейший параметр субъективного времени. Оно сохраняет самотождественность его, событийную канву жизни человека. Казалось бы ежесуточно наше бытие-сознательность прерываемо сном, "выключением" сознания. Но это лишь кажимость. На самом деле никакого перерыва нет. Все видят сны, далеко не всегда они запоминаются, но достаточно смутнейшей и неопределеннейшей памяти о них, чтобы сон не считался "провалом во времени". Некая смысловая ниточка сохраняется.

Иное дело тяжелые случаи, типа амнезии или более бытовые алкогольные отравления, когда человек практически бесследно теряет несколько часов собственной жизни. Возникает пренеприятнейшее чувство утраты бытия, хотя бы на этот небольшой отрезок времени: тело живет, двигается, а его то нет. Большинство поэтому *post fact* весьма болезненно переживает подобную, даже временную, утрату себя, резонно полагая, что это уж очень напоминает смерть или сумасшествие.

Дело в том, что под вопрос ставится именно непрерывность, самоидентичность его во времени: исчезает прошлое, исчезает будущее. Остается "только настоящее" – это отнюдь не божественное, а животное, бессмысленное состояние. Смысл – ткань человеческой субъективности, бытия сознания. Смысл только и возможен в *непрерывности передачи*: как ставшее, зафиксированное, объективированное в памяти, прошедшее и имеющееся, в чем и можно вычленять отдельные составляющие, изучать его, делать выводы и пр.

Целостность, самоподдерживающая свое тождество, себя во времени, развивается от простого к сложному, *этапированно*, имеет экстремальные общие точки. Это великолепно описал в абстрактной форме диалектических закономерностей Гегель, а в эмпирической – современная возрастная психология. Возрастание объема знаний, навыков, информации, равно как и внутренний поиск, противоречия сомнения – порождают закономерно новые качественные состояния сознания и его. Есть экстремальные периоды, режимы ускоренного развития – так называемые переломные годы, опасные годы.

Время, ощущение его темпа, экзистенциальная насыщенность зависят от событийного наполнения. Периоды, высокозначимые для истории его – своей смысловой интенсивностью, нагруженностью событиями, важными собственно для этого и только этого человека, можно назвать *приоритетным* временем. Однако эти периоды требуют слишком много затрат сил и всегда разбавляются *функциональным* временем: добычей хлеба насущного, релаксацией, физиологическими оправлениями и т.п.

Конечно же важнейшей временной структурой самосознания является его традиционное членение, лингвистически закрепляемое практически во всех языках, на *прошлое, настоящее и будущее*. Августин полагал, что реально из этих трех времен существует только настоящее, а прошлое и будущее – его вариации: память и надежда. Правильнее, считал он, говорить о настоящем прошлого (когда мы "сейчас вот" вспоминаем что-то) и о настоящем будущего (наши планы, ожидания, мечты). Сознание же – это та сущность, которая и производит это членение. Только в душе и существуют эти три времени. Сознание переправляет события из будущего через настоящее в прошлое.

Схема эта долгое время казалась мне безупречной. До той поры, пока не появились вопросы: "А что же такое "настоящее"? Как его описать и определить?"

И оказалось, что "настоящее" не менее эфемерно, чем, к примеру, "данное" в теории познания.¹ Его невозможно зафиксировать. Как только оно фиксировано, пусть даже только начинает фиксироваться нашим сознательным вниманием – это уже прошлое. Если мы и можем утверждать о самостоятельном существовании настоящего, то также условно, как и о данном.

Какова самооценочность настоящего как мига, который тут же уже стал прошлым? Даже подумав, ощутив его блаженство, мы тут же имеем уже дело с прошлым. Говоря: "Мгновение! О, как прекрасно ты, повremени!", мы уже описываем прошлое, то, что с нами произошло.

Настоящее – символ, метафора, такие же, как и данное, дающая нам иллюзию, поддерживаемую традицией, о нашей органичной встроенности в мир. Это как бы его ярчайшие и бесспорные свидетельства: данное и настоящее. Меж тем как мы чужие ему, чужие навсегда. И отчуждает нас от мира, помещая в собственный, эфемерно-символический кокон, наше счастье и наше проклятие – самосознание, его.

Есть только время, которым мы можем распоряжаться, препарировать, растекаться мыслями, планами по нему. Настоящим распоряжаться очень трудно. Только очень быстрое, оперативно мыслящее, прикидывающее его может как-то управляться с ним. И то относительно, при данной средней скорости социально-поведенческих реакций. Неожиданность настоящего сминает даже самые оперативные его. **Есть только прошлое.** Пойманное, схваченное время – самое безопасное и наиболее податливое изменениям со стороны его. Практически все науки имеют дело с прошлым.

Даже будущее, как смысл того, что мы ожидаем – для нашего его, сознания есть прошлое, прошедшее. Хотя мы и ждем некоего будущего события, но мы его практически, в смысловом

¹ Напомним суть дела. Проблема "данного" в гносеологии заключается в выяснении возможностей непосредственного доступа к вещам самим по себе. Известно, что наши субъективные познавательные схемы (упорядочивание, поиск единых оснований, классификации и пр.) во многом продуцируются нашим разумом и всегда трудно различить – что в наших восприятиях является информацией о действительном обстоянии дел самих по себе, а что мы невольно, автоматически приписываем вещам, благодаря спонтанной активности нашего сознания. Проблема "данного", исключая ее наивно-материалистические (наши чувства дают нам безупречную объективную информацию) и объективно-идеалистические (субстанциальная основа мира идеальна, потому мы, "соскабливая" в познании чувственный слой информации, проникаем в самую суть бытия) интерпретации, имеет два решения. Мы можем сказать, что данного нет и не может быть, есть только "заданное" и мир, который мы познаем, есть наше дело (неокантианство). В ином случае мы должны заявить, что данное есть, но только моментное, только в самый первый миг непосредственного переживания, впечатления от контакта с объектом – когда же начинаются первые проблески осознания этого непосредственного впечатления в мысли, начинается сразу же его искажение, включаются установки и заданность.

предваряющем отношении уже узнали, освоили, пережили – сделали в сознании прошедшим.

Важнейшая темпоральная характеристика самосознания – *оно существует всякий раз в прошлом*. Это основной временной режим его, т.к. все же в большинстве случаев большинство людей живет по преимуществу в типичной, предсказуемой среде. Даже у нас, в России, где кризисы и неурядицы так же уже привычны и ожидаемы, они включены в предварение.

Однако кроме прошлого, как основного режима временения есть еще и особый темпоральный режим его. Это *режим неожиданности*, того времени проживания, когда наше сознание выбивается из привычной колеи. Новизна события, его неожиданность столь сильны, впечатляющи (неважно: радость то или горесть), что его оказывается в прострации. Событие не ожидаемо, весь имеющийся ассортимент заготовок реагирования оказывается тотчас же бесполезным. Соответственно, отсутствие отработанных рациональных формул, стереотипов поведения приводит к замещению, компенсации эмоциями. Эмоциональные импровизации скрывают растерянность, страх, восторг.

Эти исключения из правил вялотекущей жизни и есть единственно возможная, схватываемая непосредственность настоящего. В остальном механизмы стереотипизации, привычки – в нормально-среднем, повседневном течении социального времени – сразу же затирают настоящее в уже который раз бывшее, давно тысячи раз повторенное, прошлое.

Когда внешние, вдруг изменившиеся факторы ломают окостенелость спокойствия жизненной текучки, довлеющего над нами прошлого, появляется действительное **"настоящее настоящего"** – в первозданности эмоциональной чистоты и непосредственности, всеохватности страстями, отсутствия опосредствования мыслью, предварения знания того, что произойдет.

То же, что мы обычно называем "настоящим", есть лишь муляж настоящего – прошлое (привычное, повторяемое), которое удручающе воспроизводится вновь и вновь, смыслы затираются от тысячных повторений и настоящее превращается в беспробудное мельтешение, однообразное и бесцельное роение. Отсюда – *отравление настоящим*.² Но это отравление скорее инвариантом прошлого, повторяющимся прошлым.

² Настоящее представляется нам столь занудным и однообразным потому, что сама память нам постоянно услужливо подсказывает: как делать, что от нас ждут окружающие. Это какое-то нескончаемо длящееся кошмарное дежа вю – мы опять и опять, в который раз, но каждый раз актуально, переживаем это затершееся, ненавистное, обрыдлое, не имея возможности вырваться из сетей вечного повторения. Ясно, что раньше его было вдоволь, и потом мы не будем им обделены. В мировом кинематографе концептуализировано это вечное повторение: и как трагедия (отечественный фильм "Зеркало для героя"), и как комедия (американский фильм "День сурка"), когда герои не могут вырваться из упорного повторяющегося дня. Симптоматично, что суть их попыток вырваться из вечного дежа вю заключается в

То же в отношении будущего. Мы ждем, рационально планируем все: и добываемые нашими усилиями радости и готовность к приятным сюрпризам, и вполне обоснованные опасения подлянок от стечения обстоятельств либо хороших людей, и стоическое ожидание рутинности повседневности. Но все же преимущественно обращаем внимание именно на *новизну* события. Своим предварением мы как бы уже переживаем, вычерпываем будущие события, делая тем самым их уже как бы прошлым. Они уже как бы случились и отчасти эмоционально освоены, учтены и каталогизированы в памяти, еще даже не наступив.

Переживания его, связанные с будущим, весьма специфичны и существенно трансформируют субъективное время. Рассмотрим их содержание.

Как известно, переживания будущего представляют обычно при помощи обозначений "ожидание" и "надежда". Они раскрывают структуру переживаний *предварения* будущего нашим сознанием, являясь по сути субъективным будущим для каждого из нас.

Надежда вскрывает, оконтуривает, определяет нам *значимость*, *смысл* ожидаемого улучшения или, по крайней мере, разнообразия жизненного состояния. Надежда, в отличие от опасений, есть всегда ожидание улучшения, прояснения, радостного. В смысловом отношении надежда варьируется от смутной веры в общую перспективность личного существования до определенных, детальных планов-предварений, в которых заранее разрабатывается технология индивидуального поведения, ситуативная рекогносцировка. Последнее относимо к краткосрочным надеждам. Чем более отдаленное будущее мы предваряем, тем более наши надежды погружаются в туман неопределенности, малой предсказуемости и эфемерности. *Человек живет на коротком поводке от своего прошлого*. В смысловом определении наши предварения редко идут далее года. Конечно, речь идет о людях, накопивших достаточный жизненный опыт, чтобы расстаться с иллюзиями подростково-юношеского возраста о твердом "жизненном плане", которые реализуют волевые личности, желающие добиться самореализации.

Разумеется, у некоторых людей действительно имеется некое подобие "жизненного плана" – в виде личностно выработанных мировоззренческих принципов и представлений о смыслах и целях своего существования. И при серьезных индивидуальных напряжениях воли, наличия таланта и благоприятных стечениях социальных обстоятельств, эти люди действительно оставляют потомкам назидательные примеры обретения успеха и славы собственными усилиями.

Однако следует различать ретроспективный показ судьбы выдающегося человека – а на деле литературный способ построения биографии, где решительно ретушируются не только неудачи, поражения, но, главное, мелочность и унылость повседневных борений с собой и обстоятельствами – которые-то и есть "реальная жизнь" в отличии от биографического лубка. Также следует не забывать, что, как правило, сами цели возрастают по своему масштабу только после очередных жизненных успехов. Причем в слово "успех" включается отнюдь не только социальные знаки внимания и одобрения. Человек начинает претендовать на большие свершения, значимость и в отсутствии социальной легализации и легитимации итогов своей деятельности. Последнее, в лице публики, сообщества или референтной группы, все же не должно долго задерживаться, т.к. в противном случае человек может потерять внутреннюю уверенность в масштабности и значимости своих свершений и впасть либо в самоуничижение, либо в самообольщение.

В большинстве случаев, за исключением уж совсем нарциссических личностей, надежда как смысловое предварение наступающих событий, носит *генерально-неопределенный* и *краткосрочно-рассчитываемый* характер. Первое постоянно подвергается коррекции по мере успехов или неуспехов при реализации второго. Практически мыслящие люди прекрасно отдают себе отчет в малой предсказуемости путей изменения социальных обстоятельств, неизвестности собственной генетической программы и судеб близких людей. Поэтому и смысловая структура предварения (надежды) все же имеет именно подобный, двухтактный вид.

Смысловое предварение будущего, надежда, подтверждает его привязку, его производность от базового состояния его во времени – памяти (обладание знанием и манипуляция с ним). Мы **уже** знаем в общем виде, хотя бы в интуитивных прикидках и безмерности фантазий желания: кем хотим стать, как устроить свою жизнь, что желаем получить от жизни. И знаем это настолько давно, что это превосходит самое отдаленное, чисто событийное прошлое. "Надежда-будущее" столь же прочно оседает в нашей памяти, как и сама наша самоидентификация, самоопределения его. И лишь по какому-то непонятному недоразумению надежда относима к переживанию будущего в настоящем.

В ускользящий, всегда "сей миг", надежда просто возобновляется, так же, как возобновляется и поддерживается наше самосознание, знание своих идентичностей и планов. Однако источник возобновления, постоянно сущая причина – память-прошлое. Конечно, и сама память складывается из жизненных миггов. Миггов, становящихся в силу повтора и инвариантности, *повторяющимся прошлым*; миггов, которые уникальны и образуют событийную канву биографии, или *неповторимое прошлое* (неожиданное в прошлом);

мигов *предварения неожиданного* и прикидок, *надежд*. Их объединяет одно – это уже прошлое, смысловые *следы* реально пережитых, зафиксированных, отложившихся и застывших мгновений.

В предварение будущего имманентно включены опасения неудачи, бед, невезения и пр. Потому мы и склонны к обузданию нашего планирующего воображения скромностью предосторожности. К тому же наше сознание во всем, что связано с успехом, везением, крайне суеверно. Архетип удачи в сознании наверное большинства народов непременно связан с представлениями о ее пугливости и непостоянстве, причудливо непостижимым образом связанных с ее определяющей прорисовкой в нашем воображении. Удача, радостная неожиданность – жизненные эфемериды и есть неявное убеждение, что излишне смелая самонадеянность их мысленно-эмоциональных предварений разрушит хрупкий баланс многофакторности их условий. Потому, помимо естественных опасений и рационально-практического знания житейских трудностей, мы *сознательно удерживаем смутность наших генеральных надежд*.

Подспудно мы ждем значительности, успешности, радости и безмерности воображения тут же услужливо разрисовывает будущее в радужно-победоносных тонах. Но тут же суеверие надежды умеряет наши порывы, напоминая о предосторожности скромности: дабы не спугнуть настоящую удачу.

Настоящая же удача, как и "неожиданное настоящего" всегда неожиданно и *почти нежданно*. Смутность-скромность наших генеральных надежд является залогом, манком для нежданного будущего. Тем и ценно для нас будущее, что мы надеемся на почти нежданно случающееся, существенно улучшающее наше существование.

Слово "**ожидание**" представляет собой лингвистическое обозначение особого жизненного состояния, в общем виде характеризующего предварение будущего. Это особый режим существования, суть которого заключается в том, что некоторые знания (предположения) о предстоящем событии фокусируют на себе наше внимание, чем на некоторое время *захватывают* нашу субъективность. Это время, в зависимости от предполагаемой значимости события (его желательности, страстности), переживается нами **безгранично пластично: от растяжимости до свернутости**.

Ожидание – это пребывание, имеющее фиксированную и значимую для нас смысловую ориентацию внимания на субъективно обоснованном предположении о вероятности того, что случится. Специфика ожидания среди других жизненных состояний заключается в том, что наше сознание *захватывается предполагаемым, привязывается к предстоящему*, оказывается в зависимости от событийного ряда, знание о котором ставит наше проживание под его сень.

Фатально ли событие или подвержено нашим усилиям его отмены, желательно ли оно или нет – это не столь важно. Главное в том, что бытийно-временное состояние ожидания определенным образом трансформирует нашу субъективность в сторону подчинения нашего внимания, активности – некоторым значимостям, идеальностям. Собственно знание (надежда, предположение) о том, что может либо должно произойти и создает человеческие целеполагания и целеустремления, чем и отличает нас от животных в метафизическом смысле. Человек – это существо, чья жизнь есть знающее и полагающее ожидание. Ожидание – это добровольная либо вынужденная артикуляция жизненного потока на значимые (субъективно важные) смысловые определенности (надежды), которые и составляют экзистенциальный рисунок данной субъективности.

Неважно **как** мы входим в ожидание: сделан ли выбор, мы согласились ли или принуждены логикой обстоятельств. Важно то, что состояние ожидания сообщает адресование нашему вниманию и известную перестройку-корректировку нашего сознания в соответствии с ожидаемым. Идеалистичность ожидаемого сообщает осмысленность, определенность человеческой активности. Ожидание всегда осмысленно: что-то, чего-то, кого-то, зачем-то, для чего-то. Даже если оно и представляется со стороны других бессмысленным и неоправданным, для этого-вот человека оно очень значимо в этом промежутке существования. Ожидание – тот смысл, который и организует жизнедеятельность на данном календарном отрезке.

Когда говорят: мы живем будущим, это означает на самом деле существеннейшую роль ожидания в нашей жизни. Или знаний, предположений, *давно* уже ставших для нас таким же прошлым, *как и все, что мы помним*. Но это прошлое имеет высокую значимость для нас – либо как повторение позитивно переживаемых жизненных регулярностей (насыщение, сон, секс, одобрение окружающих и т.п.), либо возобновляющиеся смыслополагания (надежды), повтор найденного и утвержденного в качестве приоритетного.

Ожидание столь значимо для нас потому, что оно организует нашу жизнь определенным образом, приобретая на время приоритетный смысл. Полагаемые (предполагаемые) нами цели и смыслы, которые могут стать таковыми, если уже положены, постоянно сопresentствуют в нашем сознании. Не будущее, но наше прошлое, прошлое предварения "неожиданного настоящего" присутствует в нашем ожидании.

Ощущение **темпа** пребывания в экзистенциальном режиме ожидания или, проще говоря, *мера субъективной длимости ожидания*, зависят от его же (ожидания) специфики: контекста обстоятельств, ситуативных и базовых состояний субъекта. Степени длимости переживаний ожидания во многом определяются

характером предстоящего события – мерой его желательности-нежелательности для этого-вот человека. Субъективное время ожидания приобретает тягуче-вязкую долготу в ситуациях высокой эмоциональной интенсивности чувств приятия-неприятия грядущего. Независимо от того, имеет грядущее четкие очертания либо оно радикально неопределенно.

Ожидание высоко желательного события в равной степени субъективно растягивается (как ждет любовник молодой минуты верного свиданья), как и крайне нежелательного – уже общим местом в художественной литературе стали описания ожидания смертной казни, смерти тяжелобольными, когда в последние дни, часы и даже минуты они как бы проживают все яркие, экзистенциально высокозначимые моменты своей жизни. В обоих случаях высокая жизненная значимость предстоящего события заставляет сознание работать в высочайшем темпе. Количество смыслов, ассоциаций, воспоминаний, чувств в "астрономическую минуту" неимоверно возрастает, равно как и их калейдоскопичность. Время **растягивается** посредством интенсивнейшего *уплотнения* переживаемого, осмысляемого содержания сознания. Причем речь идет в основном о *близлежащем во времени предстояния события*.

В первом случае время ожидания растягивает **нетерпение**. Событие столь страстно желаемо, что человек остро ощущает *контраст сравнения* проигрываемого в воображении счастливого, радостного, блаженного существования и серого, будничного, ничем не примечательного "сейчас". Нетерпение также становится катализатором усиления работы воображения и памяти. Человек в своем предваряющем представлении комбинирует десятки сценариев предстоящего события, заранее переживая как его сладость, так и опасения-прикидки нейтрализации возможного его срыва.

Во втором же случае деформирует субъективное время ожидания **отчаяние**. Здесь, напротив, контраст сравнения имеет обратный баланс: предстоящий ужас и вдруг ставшее невыразимо желанным прелесть повседневного существования с его простыми, нехитрыми радостями. Похоже отчаяние, как одна из наиболее сильных эмоций, в большой степени способно взвинтить смысловой темп самосознания. Активнейшим образом работает не только планирующее воображение – в лихорадке определения путей возможного избегания грядущего, но и включается в мобилизационный режим работа памяти. Вместе с надеждой на "авось" память организует экзистенциально-биографическую экспозицию наиболее личностных событий – все же нами владеет отчаяние, сигнализирующее о безысходности ситуации жизненного тупика или большой вероятности жизненного обрыва.

Длит субъективное время ожидания и ситуация, когда человек не знает определенно: принесет ли ему судьбоносное событие

серьезный жизненный успех либо тяжелое личное поражение ("пан или пропал"). Напряжение сознания, мобилизация воображения, памяти, волевое сосредоточение на оптимизации своего поведения в предстоящем событии с целью сместить его вектор в сторону успеха вызывается *томлением неизвестностью*. В отличие от позитивного томления (нетерпения) и негативного (отчаяние), томление неизвестностью максимализирует определительно-рациональные способности сознания. Конечно, и томление неизвестностью, как и любое томление, есть прежде всего сильнейшее эмоциональное напряжение маяты – болезненно-напряженная фиксация внимания на актуальной временной длиноте. Однако в случаях, когда человек с высокой долей вероятности знает определенность предстоящего события в личностных следствиях, это знание соответствующим образом тематизирует активность его сознания. *Определенность предстоящего заказывает музыку сознания*. Ожидание в его содержательной части определяемо спецификой события, известного ждущему.

Иное дело ожидание судьбоносного события с неопределенным исходом, где и уклонение от него равносильно поражению. Сама неопределенность ситуации будущего задает неопределенность, амбивалентность сознания предварения: воображения, рационального планирования, волевых импульсов. Личностный потенциал задействуется в максимально возможной степени, причем более в его определительно-рациональной форме.

Неизвестность всегда нас манит и пугает. Любознательность, тяга к узнаванию, определение неизведанного создали человека разумного. Но та же неизвестность, понимай – не подконтрольность событий, наша радикальная зависимость от потаенного, более всего мучит сознание, способное задумываться об этом.

Тоже можно сказать и о ситуации ожидания судьбоносного события с неизвестными последствиями. Длит его время лихорадочная определительная работа сознания, вынужденная работать с двойной нагрузкой: выстраивая сценарии как позитивного, так и негативного развития события. И все это находится также под двойным прессом эмоциональных предварений: опьянения победы либо ступора поражения.

Разумеется, мы рассуждаем здесь о растяжимости субъективного времени ожидания высокой эмоциональной интенсивности – предварения серьезных личностных событий. Ожидание как явление повседневное, регулярное, не приводит, как правило, к серьезным трансформациям переживания времени. Ожидания заурядных, повторяющихся, функциональных событий, правда, также могут субъективно несколько растягивать наше переживание времени, но с этим повседневным затруднением мы достаточно успешно справляемся посредством процедур отвлечения

внимания от предстояния события. Мы стараемся намеренно не думать о сроке приближающегося события, чтобы не фиксировать длительность срока, как можно реже справляться о ходе суточного времени, отвести свое внимание на занятия чем-либо, чтобы заполнило, заместило ожидание.

Итак, будущее есть не что иное, как *распознаваемое и предполагаемое ожидание, базирующееся на сохраняемом и возобновляемом знании* (вере, настроении), как усваиваемом из общественного сознания, так и личностно изобретаемом.

Таким образом, для самосознания существует только прошлое (знание и предвещение) и неожиданное настоящее. Причем пропорция их по мере развития, становления, созревания его, смещается в сторону прошлого. И с определенного рубежа мы вдруг обнаруживаем, что большинство жизненных состояний мы уже опробовали либо представляем себе, каково это, даже если и не решались или не имели реальных возможностей воплотить это в жизненной практике. С возрастом уменьшаются наши шансы встречи с неожиданным настоящим.

Чем старше мы становимся, тем все более и более наше "я" погружается в прошлое, все тяжелее выныривает из памяти, которая навек для нас консервирует радостные мгновения уже пережитого неожиданного. Запас неожиданности-радости, непосредственности и свежести миропереживания наших его лимитирован. Лимитирован ограниченностью наших жизненных возможностей, консервативностью социума, нашим поздним пробуждением. И этот запас постепенно иссякает, но не пропадает втуне – он оседает в памяти.

Как бы ни был развит человек: не зашорен, гибок, открыт новым веяниям, все равно известная часть его мышления, чувств, эмоций навсегда остается в прошлом. Когда мы переживаем неожиданные и радостные события частицы наших "я" *навсегда сцепляются с этими событиями* (их значениями-переживаниями) и *погружаются в память, обеспечивая их вечность-ностальгию*. Явления притупления жизненной остроты восприятия, затертости наших чувств с возрастом происходят именно из-за этого. За все радости мы платим частичкой собственных "я", которые навсегда остаются в этом событии (переживании), в этой радости. Мы уже не можем также восхищаться и любить, как восхищались и любили в юности, хотя рационально можем понимать, что новое событие не менее достойно нашего восхищения и силы проявления чувств. И, напротив, старое и уже смешное, с высот нашего сегодняшнего ментального уровня, вновь и вновь отзывается в душе щемящим воспроизведением того восторга и той, уже ушедшей, радости.

Чем больше, глубже и непосредственнее радости, тем более эмоционально "обескровливается" его. Потому-то рационалисты и более сохраняются с возрастом в эмоциональном отношении, чем

непосредственные личности. Они подобны скупым рыцарям, берегущим свои эмоционально-жизненные ресурсы – и тем обеспечивают себе эмоционально-витальное долголетие. Такое не происходит с неприятным, трагическим, зловещим – мы отталкиваем их от себя, они нас не старят, не притупляют остроту нашего восприятия жизни.

Возрастание доли прошлого в субъективном времени в сравнении с неожиданным настоящим, таким образом, вполне закономерный процесс биографической динамики субъективного времени. И лишь богатое воображение, умение проигрывать-проживать разнообразнейшие мыслительные сценарии, идентифицироваться, ставит себя на место других людей, позволяют нам иметь кроме своей еще "тысячу жизней". Но и там мы скоро обнаруживаем повтор и тоску возобновляющегося занудства.

Конечно, для молодого сознания многое открывается как новое, неожиданное. Потому и прекрасна, вечно ностальгична юность – молодые люди живут в волнующе-новом мире. Исключая молодых людей с глазами стариков, тех, кого гнетет преждевременное знание и усталость – здесь имеет место быть экзистенциальная акселерация. Их, впрочем мало, и они кончают либо очень плохо, либо рождаются во второй раз. Иногда альтернативы сосуществуют.

Но по мере испытаний, проживания, знакомств, доля испробованного, известного приобретает гигантский перевес. Нас уже почти ничего не удивляет, а если и удивляет, то как редкость, экзотика. Основные жизненные формы осваиваются где-то к возрастному среднерубежью. Экзистенциальное пресыщение, жизненная усталость, таким образом, имеют укорененность в темпоральных особенностях пути самосознания, а не в мифических "синдромах усталости", которые ищут на органическом уровне.

Наверное поэтому назревает потребность коренного обновления, где бы самим источником его могла бы быть сугубо внутренняя перестройка его. Неожданное настоящее, оказывается, надо создавать собственными усилиями. Как можно лучше и интенсивнее делай свое дело, а все остальное приложится.

От чего зависит **динамика** субъективного времени? Зависимость субъективного времени от текстуры сознания проявляется в разнокачественности переживаний нами времени. Мы думаем, что качества переживаний времени находятся в корреляции с состояниями нашего жизненного тонуса: *воодушевление, безмятежность, подавленность*.

Воодушевление связано, как правило, с витальными подъемами, выражая периоды оптимума состояний нашего тела и сознания. Это, так сказать, естественное воодушевление. Оптимум жизненной активности делает нас собраннее, удачливее, находчивее, из нас лучится уверенность, мы становимся победителями. Мы многое

успеваем, у нас все получается, решения находятся быстро и оказываются удачными. Мы деятельны и успешны. Но и периоды эти нечасты и быстротечны. Быстротечны для нас. Если судить по физическому времени – успешный день таков же, как и другие. Но время *убыстряется*, ибо мы с большей страстью и повышенным интересом вживляемся всем собой в жизненный ритм повседневности – и все у нас получается и все доставляет удовольствие. Люди тянутся к нам, все решается быстрее и эффективнее, чем обычно. Сама наша ближайшая социальная среда пластично меняет конфигурацию своих незримых связей под влиянием магнетизма нашего воодушевления. По крайней мере на время.

Естественная динамизация нашей жизненной активности делает нас приспособленнее, мы интуитивно более эффективно и выгодно встраиваемся в узорочье нашего социального окружения. Мы как бы *жизненно ускоряемся*, благо для этого есть более сил, чем обычно. Более интенсивно функционирующее сознание и организм создают это уплотнение субъективного времени.

Мы *захвачены* своей жизнью, не отстранены от нее. Мы не вялы, равнодушны, апатичны – как в состояниях дефицита жизненных сил. Мы сливаемся со своими делами, заботами – и счастливы в этом состоянии, а счастливые, как известно, часов не наблюдают. Наблюдаем мы их тогда, когда и дела наши нам в тягость, и цели свои представляются малостоящими. Короче, когда мы отстраняемся от себя, самоотчуждаемся.

Однако воодушевление – не только естественное состояние жизненного подъема. Воодушевление зависит и от наших собственных волевых усилий. Самосознание, конечно же, обладает и собственной жизнью, не столь безусловно зависимой от ритмики организма.

Воля, способности сосредоточения, самоконцентрации на том деле, которое надо сделать, задаче, которую следует решить, могут ввести нас в состояние *рабочего воодушевления*. Мы оказываемся захваченными своими заботами, погружаемся в них: сначала заставляя себя волевыми усилиями фокусирования внимания и отвлечения от прочего, затем, когда сознание само станет своею заботой, оно само себя оптимизирует, т. е. переживает состояние творческой продуктивности. Мы здесь так же не отстранены от своего дела, мы сами становимся своим делом. И в этих условиях переживания субъективного времени отличны от нормально-среднего восприятия астрономического времени.

Субъективное время коррелируется здесь не с суточной шкалой, а с процессом решения проблемы. После выключения нас из деятельностной захваченности мы иногда соотносим наши субъективно-темпоральные переживания процесса работы с количеством прошедшего астрономического времени и стандартно-

повседневными масштабами его восприятия. И констатируем: время пролетело быстро и незаметно. Здесь сознание создает свой временной формат, который подчиняется другому времени – *времени заботы, дела*, которое уже зависит от ситуации своего появления, темпа развертывания, значимости для нас. Субъективное время определяемо здесь темпом решения нами жизненной проблемы. Причем это время, с одной стороны, независимо от нас, а зависимо от нашего жизненного контекста, который и порождает проблему (и вызов для нас). Но, с другой стороны, ее решение зависимо от нас, наших волевых и творческих усилий, находчивости.

Если наших усилий недостаточно, то сама проблема парализует нашу жизненность и по существу десубъективирует наше время, вводя нас в беспомощность прострации, жизненного ступора, превращая нас в марионеток Кукловода обстоятельств. И, напротив, при успешной экзистенциальной атаке на жизненную проблему, ее решение взвинчивает наш жизненный тонус, захлестывая нас радостью победителя и насыщая жизненные тона само- и мироощущений цветом успеха.

Есть третий вид воодушевления, состояния, которое трансформирует субъективное время. Первые два зависят от нас: ритмов витальности и усилий сознания. Но есть и воодушевление, охватывающее нас в моменты встречи с "неожиданным настоящим" позитивного для нас свойства. Однако, состояния радостного энтузиазма, сильных наслаждений по своей природе не могут быть длительными. Они требуют больших энергетических и эмоциональных затрат от нашего организма, потому и быстротечны. И сама быстротечность их природы оказывает воздействие на наши темпоральные переживания. Сознание и тело настолько захвачены ими, что ощущают себя в убыстренном времени, разницу которого с обычными переживаниями временного темпа также обнаруживается *post fact*. Воодушевление этого рода спонтанно, ситуативно, непредсказуемо.

Эпитет "безмятежный" мы использовали для характеристики временения в обычном, средне-размеренном ходе жизни, когда отсутствуют сильные эмоции, захваченность делами и заботами, неожиданные события. Состояние наше ровное, будничное, нет воодушевления, но нет и подавленности. В этом состоянии ситуативного благополучия и жизненного нейтрализма, наше сознание в большей степени склонно *настраиваться* на общепринятые восприятия и оценки времени. К этому же нас подвигает совместное с другими людьми выполнение социальных обязанностей – складывается стандартная общественная (групповая) психология, этикет, социальное время. Социальное время здесь рассматривается нами исключительно в рамках нашего сюжета о субъективном времени. Поэтому когда мы говорим о тенденции приближения

субъективного времени в безмятежном состоянии к социальному времени, мы имеем в виду, что в подобных ситуациях повседневного функционирования, из которых, собственно, и состоит большая часть нашей жизни, мы переживаем время так, как принято в данном обществе и данной культуре. Представления о времени, его функциональной и экзистенциальной нагруженности, лингвистические фиксации отношения к времени и его общепринятым измерениям ("рано", "поздно", "преждевременно", "пробил его час", "время – вперед", "каждому – свой срок") принимаются нами так же естественно, как воздух, которым мы дышим, как вода, которую мы пьем. Затем, правда, некоторые люди могут задаться вопросом: а каковы воздух и вода, и почему столь нам нужны, и насколько хороши они для этого? Но большинство воспринимало и воспринимает базовые условия своего существования, к каковым относятся и общепринятые представления о времени, как непреложную данность.

Довольно часто мы испытываем жизненные состояния, которые можно характеризовать как *подавленность*. Это когда велико неблагоприятное давление внешней среды, превышающее возможности его активной нейтрализации: неудачи в карьере, поражения, непонимание, непризнание в отношениях с людьми. Подавленность также вызывается органическими болезнями, снижающими нашу активность, сопротивляемость психическим расстройствам, алкогольным интоксикациям и пр. Но чаще нас посещают состояния подавленности жизненного спада – естественной фазы ритмики нашей витальности.

Боль, мучения, физические и нравственные, переживаются нами остро и ярко. Но если острота и яркость удовольствий инициируют *сжимание* субъективного времени, потому и говорят о их быстротечности, то острота и яркость страданий, напротив, *длит* субъективное время. Страдания вовлекают нас в эмоциональные состояния, *угнетающие* наши его: мрачность, уныние, тоску, меланхолию. Это верные индикаторы существенного снижения наших жизненных шансов, нашего жизненного рейтинга.

Так, кстати, и воспринимают унылого, неулыбчивого, депрессивного человека в современном западном обществе. Для них демонстрация этих состояний считается предосудительной, т.к. свидетельствует, по мнению западного обывателя, о жизненной неудачливости, неумении бороться, "толкаться локтями". Отсюда довольно забавное засилье, с точки зрения отечественного менталитета, суетливых, мельтешащих, непременно оптимистично скалящихся, надсадно широко улыбающихся лиц в голливудских фильмах. Хандра Онегина, меланхоличный фатализм Печорина, равно как и мрачность отчаяния Раскольниковы выглядят конечно совершенно неуместными в современно западном мировом "человейнике".

Между тем, все мы периодически начинаем чувствовать себя никчемными, неудачливыми, малостоящими: воспринимая все в каком-то сером, обесмысливающим виде. Самооценка резко снижается, преобладают настроения подавленности, эмоциональность угнетена: природа и люди вызывают чувства непрерывного раздражения. Собственные слабости, известные нам лучше, чем кому бы то ни было, приобретают гипертрофированный, безнадежный вид, выходят на первый план в самооценке и мазохистски смакуются в самоуничижении, самобичевании. Достоинства, достижения девальвируются – выглядят смешными, тщетными и ничтожными. Сравнение с другими – явно не в свою пользу.

И, главное, подобная угнетенная эмоциональность его помимо "растягивания" переживаний времени существенным образом *качественно* трансформирует наши самоощущения. Угасает чувство перспективности, ретроспектива претерпевает оценочные деформации. Будущее застилается пеленой беспросветности, теряя надежды на встречи с радостью, на какое-либо существенное улучшение существования. Призрак обрыва собственного присутствия в этом мире приобретает представимо воображаемые черты, что окончательно загоняет наше жизнеощущение в тупик безысходности. Собственно будущее, даже в том качестве, о котором мы говорили ранее, истаяет до исчезновения. Остается только нескончаемый рефрен прошлого, бывшего, уныло-тоскливого "вчера-сегодня".

Эмоционально угнетенное его перебирая четки памяти, также склонно к негативно оценочной абберации, воспроизводя безотрадную картину мелкотравчатого, никчемного существования. Тем более, что существует несомненно более тесная связь эмоций и памяти, чем, к примеру, мышления и памяти.

Многим знакомы проблемы вспоминания нужной определенности понятийной, образной или числовой информации. И, напротив, наши эмоциональные впечатления, особенно имеющие остро-проблематичный характер, всегда на первом плане нашей памяти. Каждый может в любое время провести сам с собою эксперимент эмоциональной рефлексии. Попробуйте сознательно настроиться на волну какой-либо эмоции: раскаяния, досады, ненависти, любви и пр. И тот же час *лот его* начнет автоматически вычерпывать из памяти в изобилии соответствующие личностные эпизоды: ваших неблагоприятных поступков, за которые вам стыдно и которых вы раскаиваетесь; ваших глупостей, несуразностей, за которые вам досадно; тех, кого от всего сердца ненавидите либо искренне любите. Сначала лот его достает наиболее яркие жизненные эпизоды, затем менее.

Долго, правда, оставаться в подобных состояниях, и особенно остро самокритичных, нежелательно – каждый может "наловить" в

своей памяти достаточно эпизодов на неприглядность самооценки "мерзкого типа" либо пустого, самовлюбленного, слабого человека. Таким образом, содержательностью задействия эмоциональной памяти управляют наши эмоции, где наиболее эффективны фрустрации. Правда "управляемость" здесь компенсируется стихийностью ассоциативности.

Субъективно переживаемое время, как мы убедились, во многом тождественно динамике нашего осознания – присутствия. Именно в этом смысле наше бытие тождественно времени, обладая тождественной же истончающейся, эфемерной структурой. Это обстоятельство страшит неуловимостью, быстротечностью, непредсказуемостью. Страшит тем, что всегда уходит и невозвратно пройдет. Страшит неумолимостью маячащего предстояния обрыва. Это вечная загадка, которую всегда решает, но вряд ли когда-либо решит, человеческое сознание.

Июль-август 1999